

Сергей Берсенев

Дорога в облака

Проза

Сергей Берсенев

Дорога в облака. Проза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38977527

ISBN 9785449362896

Аннотация

В книгу члена Союза писателей России, члена Российского союза писателей, заслуженного поэта Московии Сергея Берсенева «Дорога в облака» вошли одноимённая документальная повесть о создании популярного московского Творческого Центра «Облака вдохновения» и цикл рассказов, написанных в период 2000—2017 гг.

Содержание

Дорога в облака	5
I глава	6
II глава	11
III глава	20
IV глава	30
V глава	35
VI глава	43
VII глава	49
VIII глава	56
IX глава	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Дорога в облака

Проза

Сергей Берсенеv

© Сергей Берсенеv, 2018

ISBN 978-5-4493-6289-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорога в облака

І глава

Телефонный звонок.

Леночке Кукушкиной я не звонил около пяти лет. Когда-то мы были добрыми друзьями и входили в костяк творческой группы «Дар». Группа «Дар», помнится, была организована по инициативе своеобразного поэта Александра Митько, который по возрасту годился нам в отцы. Неплохая тогда подобралась компания – Наташа Никиткова (в будущем – Филатова), Антон Шатько (ныне покойный), Катя Шевченко и другие талантливые личности. Мы иногда собирались на частных квартирах, исследовали немногочисленные московские тусовки, выступали с редкими концертами на предприятиях, а также в парках отдыха. Естественно мероприятия проходили шумно и сопровождались неумеренными возлияниями спиртного. Кто-то употреблял поменьше, кто-то границы игнорировал, но на внутренний климат это нисколько не влияло.

Обыватель удивится: ради какого богатства тратили мы впустую время? Ведь многие «обкрадывали» собственные семьи. Слава? Чуть полнейшая. Большинство так ничего и не добилось. Союз писателей? Попасть туда, как – на Эверест. Скорее мы тянулись друг к другу, словно соотечественники, оказавшиеся не по своей воле на чужбине – поговорить

на родном языке. Каждый из нас надеялся обрести в поэзии отдельную нишу, пытался своими несовершенными, но искренними строчками убедить окружающих в наличии неповторимого творческого лица.

Однако поскольку вечной бывает только Вселенная, то и группа «Дар» однажды приказала долго жить. Это произошло не по причине какого-нибудь некрасивого скандала или в отсутствии перспектив. Просто, сообщество поиграло в тягу к настоящему искусству и переключилось на иные формы развлечений. Толстосумы приватизировали ряд тусовочных помещений, в том числе знаменитую «Некрасовку», и одни попытались организовать что-то в менее привлекательных местах, – где-нибудь на окраине города, а другие, в том числе и я, надолго забились в норах квартир.

Эх, жаль, конечно, «Некрасовку»! Со сколькими интересными и оригинальными людьми я познакомился в её стенах. Женя Зелёный, с уникальной фамилией «Я» (именно она и значилась в паспорте); Володя Цапин, «руливший» регламентом на сборищах в вышеупомянутой Некрасовской библиотеке....

Перекуры в туалете, облагороженные философскими беседами неофициальная часть с водкой, пивом да стихами, которые прочитаешь не на любой аудитории. Кого-то уже нет в живых... Тот же Зелёный... Умер у себя дома, когда его друг колдовал над закуской на кухне. Прилёг на диван – передохнуть и закрыл навсегда глаза... И никто не знал, что

его давно уже поедом внутри грызёт рак.

До Лены я дозвонился только на третий день.

– Привет! Тебя поймать, всё равно что – золотую рыбку!

Узнаёшь?

– За комплимент – спасибо! Голос – знакомый, но не припоминаю.

– Ладно, не буду строить из себя важную персону, – сказал я, – Это – Берсенев.

– Серёжка, ты? Вот, не думала..., – искренне обрадовалась Кукушкина, – Где пропал?

– Свалился в пропасть. Вот, пытаюсь выкарабкаться. А ты как? Наверное, знаменитость?

– Угадал. Лестничной площадки...

– А такое звание разве бывает? – шутливо спросил я.

– Их сейчас развелось – хоть пруд пруди. Получай, не хочу! – рассмеялась Лена.

– Я бы и рад. Правда, у меня даже нет ни одного выпущенного сборника. Да и единственная публикация была сто лет назад в «Крокодиле», – пожаловался я.

– Это не страшно. С деньгами и связями сейчас можно – ВСЁ... А потом – на твои стихи вроде бы кто-то из мэтров эстрады песни записывал, верно?

– Откуда у тебя столь исчерпывающая информация? – моё удивление было искренним, потому что я на данную тему особо не распространялся.

– Люди верные сообщили..., – Кукушкина не захотела вы-

давать источник.

– Слушай, а как у тебя с личной жизнью? – поинтересовался я, вспомнив, что в своё время ей, ничем не заслуживающей подобной участи, долго не везло, что она одна воспитывала малолетнюю дочь, и что всё-таки Господь над ней смилостивился, и она нашла порядочного человека – поэта, между прочим.

– Как всегда – на букву «Х»... – на другом конце провода голос заметно погрузнел.

– Что случилось? Ты, кажется, собиралась выйти замуж за... , извини, не помню имени...

– И не вспоминай. С тем горе-ухажёром пришлось распрощаться. Позже я встретила другого, более достойного мужчину. Он, правда, только что тогда из зоны освобовился, но... это ведь не главное.

– Конечно, конечно..., – поспешил согласиться я, – Что ж, поздравляю!

– Не с чем..., – донёсся голос Лены, будто забинтованный в эластичный бинт, – Он в прошлом месяце умер.

Обрушилась неловкая пауза, которую прервала сама Лена.

– Серёж, не подбирай, пожалуйста, дежурных слов.... Если я дам слабину, непременно свалюсь. А мне ещё дочь на ноги ставить. Ты же знаешь меня – не в моих правилах падать духом.

– Молодчина! – громыхнул я в трубку, и резко сменил те-

му разговора, – А что сейчас происходит в полуподвальном литературном мире? Где народ собирается? И собирается ли вообще?

– Конечно, собираются... Но я хожу только в одно место – на Пречистенку, к Юре Потатушкину... Гостиную он там ведёт.

– Не слышал о таком... Кто это – бард, поэт?

– Бард, Серёж... Очень хороший человек...

– А какой там формат? На Некрасовку похоже?

– Нет, это при местном досуговом клубе. Немного камерная обстановка, но душевненько...

– Диктуй адрес, приеду... По каким дням?

– По средам, с семи часов...

– Каждую среду?

– Нет, через одну.... Вот как раз в ближайшую... Придешь? А адрес: Пречистенка, дом 27... Через арку – во двор... И там – первый подъезд.

– Спасибо, Лена... До встречи, буду ложиться: рано вставать утром.

– Хорошо, пока... Рада была слышать!

– Взаимно!

II глава

Гостиная на Пречистенке.

На работе день выдался непростым. Целый день на знаменитом автомобильном рынке, что раскинулся в Южном порту, шерстили «обэповцы». Приходилось то и дело закрывать павильон, в котором я работал и за который отвечал, и притворяться покупателем, лениво блуждающим по рынку.

О том, что меня в любой момент могут сцапать охочие до жертв стервятники в штатском, как-то не думалось. В принципе, у нас всё было в порядке, но, как говорится, бережёного Бог берёт. К тому же голова трещала от иного: мыслями я уже находился на Пречистенке. Устала душа находиться в плену у рутины. За последние годы ни одной толковой строчки не легло на бумагу, и я уже подумывал насовсем погрузиться в тьму безразличия.

Прикинул в уме расстояние до досугового центра: одинаковое, что – от метро «Парк культуры», что – от «Кропоткинской». В любом случае – пешком. Я выбрал зигзагообразный путь. Показалось – от «Парка...» удобнее добираться. Вдруг ещё «Бэшка» рогатая остановочку подбросит... Нет, не подбросила.

Пока шёл, в уме отбирал стихи, за которые не было бы не стыдно. Забыл у Кукушкиной спросить о регламенте –

по сколько читать стихотворений. Наверное, как и раньше было – Бог троицу любит. На подходе к гостиной неизвестно откуда появился мандраж: а вдруг не примут, вдруг сочтут мой уровень недостаточно высоким? Я и сам понимал, что мне ещё постигать и постигать стихотворную науку, но всё же хотелось не выглядеть беспросветным бездарем.

Центр представлял собой большое, невзрачное помещение старой планировки. В таких когда-то проводили партийные собрания. Поплутав немного по длинному, узкому коридору, напоминающему лабиринт, наконец нашёл нужное помещение. Я пришёл раньше... До начала оставалось минут сорок, но внутри я обнаружил мужчину за... (теперь-то я знаю, что Юре на тот момент было шестьдесят), но выглядел он молодожаво. Одна улыбка сбрасывала целый десяток рутинных лет. Его взгляд светился добром. Он сидел в самом центре просторной комнатки на стуле и держал в руках гитару.

Напротив него, на одном из стоявших по периметру стульев, внимала каждому его слову высокая красивая женщина. Я сразу отметил для себя, что они были незримо связаны какими-то особыми чувствами, хотя это и не бросалось в глаза. Что-то подсказывало...

Я поздоровался.

– Здесь проходят поэтические встречи?

– Здесь, – ответила женщина, – а вы к нам – как слушатель, или как выступающий?

– Как выступающий...

– А кто вам рекомендовал нашу гостиную? – допытывалась женщина.

– Лена Кукушкина... Мы с ней знакомы ещё с незапамятных времён. В Некрасовке ещё вместе читали...

– Присаживайтесь... Я – Татьяна Сергеева. Руководитель гостиной «Свеча» из Алтуфьево, а это – руководитель здешней гостиной, Юрий Потатушкин...

– Сергей Берсенов, – скромно представился я. Никаких гостиных в собственных владениях у меня не было. Потому выбрал я себе дальний уголок и тихо устроился.

Народ потихоньку стал прибавляться: пришла Лена Кукушкина, молодой парень с хвостиком на голове, женщина красивая с гитарой... Ещё несколько человек.. Рад был неожиданной встрече с Наташей Никитковой...

– Филатова я теперь, – информировала меня она об изменении своих личных данных.

– Как жизнь, Наташа? Как творчество?

– Развиваемся потихоньку... Какими судьбами тут?

– Лена Кукушкина посоветовала... Надоело в депрессии сидеть..

– И правильно посоветовала: тут хорошее место. И люди хорошие...

– А уровень какой?

– Высокий, Серёж... Хотя, все разные, но, в основном, высокий... Ладно, сейчас уже начнут... Потом поговорим...

– Хорошо...

И действительно – стихи выступающих были образными, живыми... Особенно выделялся тот молодой парень – Слава Памурзин...

«Как светлячки рассыпанных столиц,
Мы никогда не встретимся на карте.
У нас ночное небо на штандарте
Несущейся страной страниц...»

Это показалось мне близким... Я стал внимательнее к нему приглядываться, и увиденное только расположило к нему... Угадывался в нём характер, свой собственный взгляд на любую ситуацию. «С такими мне по пути!» – подумал я. И это несмотря в солидную разницу в возрасте (а мне тогда было – 44).

И тут пришёл черёд Юры...

«А ты купаешься в любви...»

И взгляд был устремлён в сторону Татьяны, проникал в душу... А она не замечала ничего вокруг, и улыбалась в ответ... А песня – трогательная, нежная... Мне понравилась. Сразу стало ясно – неординарный человек, талантливый. Обладающий неповторимой харизмой. Как же я не люблю это заморское слово, как и всю эту наплодившуюся нерусь... Не от лица оно, а от хари... Значит, не харизмой, а притяжением.

Я не ошибся тогда. Все последующие встречи с ним только подтверждали первоначальное мнение.

Размышляя, я чуть не прослушал, когда Юра объявил мою фамилию. Заметил, что все изучали меня с ног до головы. Те, кто уже знал, думали – каким же он стал сейчас? Другим – что это вообще за фрукт и откуда взялся?

– Расскажите немного о себе, если можно, – попросила Татьяна Сергеева.

– Что рассказывать..., – растерялся я, – Вернулся в творчество после небольшого перерыва. Начинать в восьмидесятые в литературном объединении «Московские зори» при ДК «Москворечье» у Игоря Весеннего... Был лауреатом конкурса «Озаренье» для непрофессиональных поэтов, лауреатом конкурса сатиры и юмора... Пожалуй, всё...

– Хорошо, – благосклонно кивнула, Татьяна, – Читайте...

– А сколько можно?

– У нас регламент – три стихотворения.

Я собрался духом и начал: «Эпиграф Николая Клюева... Обозвал тишину глухоманью...»

Если это – дыра, не штопайте
тишины моей глухомань.

Не хочу, как другие, штопором
открывать, что везде – обман.

Я забился, где нет ни шороха,
погасил медной люстры свет.

Так порою слова жестокие
упаковывают в конверт.

Хорошо мне без чёрной зависти,
без непрошенной похвалы...
Здесь начну я всё снова, начисто
перемою в душе полы.

Читая, краем глаза заметил, как Сергеева с интересом наблюдает за мной... Всегда старался в декламации собственных стихов опираться на чувства, а не на технику, жить вместе со своим собственным героем – влюбляться, расставаться, побеждать, умирать...

Далее последовала «Консервная банка вскрытых вен...» Это стихотворение пришлось по душе Славе Памурзину... Он как-то оживился, заёрзал на стуле, почувствовав что-то родное. Я понял, что первый блин комом не оказался, что меня приняли в эту, пусть и небольшую, но уютную творческую группу...

Завершив дебютное выступление, я спокойно, с чувством собственного достоинства отправился на своё место. После меня эстафетная рифма переходила из уст в уста... Очень понравилась Елена Штейнгардт... Бывает так: от одного вида человека немеешь очарованным. И я застыл на мгновение, едва она присоединилась к нам, чуть припоздав. Тихо села, расчехлила гитару.... Богиня...

А когда запела... Не найти слов, чтобы передать то состо-

ание, в которое я погрузился... И песни-то все, как на подбор.... Душой сотворены...

Завершала встречу Таня Сергеева. Одна её стилизация тоже зацепила до глубины...

«Я одна-одинёшенька....»

Трогательная песня. Впоследствии часто просил исполнять её.

К метро мы шли все вместе. Таня рассказала, что она работает директором библиотеки в Алтуфьево, и снова упомянула о своей гостиной, в которую меня и пригласила. Только там встречи – по пятницам, вторая и четвёртая. Вскользь донёсся её разговор с Юрой насчёт какого-то сольного концерта в четверг на её территории.

– А это что за мероприятие? – спросил, вклиниваясь в чужой разговор и проявляя при этом бестактность. Но уж очень соскучился я по творческому общению и всё казалось интересным.

Таня чуть помолчала, обдумывая ответ:

– По четвергам у нас проходят платные выступления, – сказала она, – То есть, хоть и немного, но выступающие получают за свои выступления.

– А как туда можно попасть, попёр я напролом, – прижимая Татьяну намёками буквально к стенке.

– Особо запомнившиеся на протяжении года авторы-исполнители и поэты, или уже состоявшиеся, с именами... Профессионалы известные тоже приезжают...

Весомо... Но когда я терялся? Я сделал вид, как-будто меня это озадачило, но спустя полминуты выпалил:

– Мне вот творчество Лены Штейнгардт пришлось по душе... – неожиданно для всех, да и для себя тоже выпалил я, но тут же оговорился, – Если бы она согласилась, мы смогли бы в один из четвергов выступить вместе.

– Шустрый вы..., – улыбнулась Татьяна, – А Лена-то согласится?

– Я ещё не спрашивал, но очень хочется...

Лена Штейнгардт шла рядом и слышала наш разговор.

– А что? Интересная мысль..., – глядя куда-то в сторону, промолвила она. И тут же резко повернувшись ко мне сказала, – Но это должно быть не просто обыденное выступление, а что-то неординарное. Обыгранное... Мини-спектакль...

– Я согласен! – ухватился я за ниточку, – Давайте обменяемся телефонами и будем на контакте.

– Месяца вам хватит на подготовку, – спросила Татьяна.

– Вполне, – ответила Лена, и я с ней согласился.

Честно говоря, я был ошарашен таким быстрым развитием событий. Но разве сам этого не хотел? Белой завистью начал завидовать и Юре Потатушкину, и Татьяне, сумевшим организовать собственные площадки для выступлений. В голове мелькнула мысль: «А почему бы у себя в районной библиотеке не организовать что-то подобное?» Только кто будет ходить? Можно попробовать дать объявление в читальном зале. Но сначала договориться, а то и на порог не пу-

стоят... А формат... Не такой, как на Пречистенке, камерный... Вспомнились «Московские зори», в которых я сам начинал... Продолговатый стол, чай, душевные беседы, конструктивная критика...

III глава

ЛИТО «Московские зори».

Как же всё начиналось? Наверное, со школы... Первые вздохи по девчонкам... Не обладая хулиганистым характером и выдающейся мускулатурой, хотелось как-то выделиться. И, обнаружив тягу к стихотворным строкам, стал усерднее налегать на литературу... В рамках школьной программы – Пушкин, Лермонтов, Есенин, Маяковский... Некому было тогда подсказать другие фамилии, чтобы дополнить список. Особенно нравился Есенин. Помню, оставался после уроков, чтобы получить дополнительную пятёрку и выдавал:

*«Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мгlistом...»*

Тогда это было не про меня. Но, видимо, чувствовал, что придёт время, когда Душа взбунтуется.

Маяковский сначала показался чужим со своими непонятными лесенками. Но потом я вжился в его отточенную технику стихосложения, богатые образы... Первые записки девчонкам были написаны несовершенными зарифмованными строчками:

*«Твой сердце – цветок моей жизни,
в ночном небе сверкаешь звездой.*

Каждый день умираю от мысли —
у тебя есть кто-то другой...»

Как ни странно, но вот этот юношеский бред стал первой песней на мои стихи. Стихотворение пришлось по душе приятелю Валерию Панкову, будущему профессиональному певцу, который учился в параллельном классе. Он сочинил мелодию и исполнил получившийся словесно-музыкальный винегрет под гитарный аккомпанемент на школьном вечере. Ребятам наша совместная работа понравилась.

Пошли состязаться во мне две ипостаси – стихоплёт и футбольного вратаря, каковым я мечтал стать с самого детства.

Писал тогда я по любому поводу и без повода... На протяжении десяти с лишним лет. Пока не стукнуло 27. Накопилась стопа тетрадей, по наивности причисляемых мной к Великим, но неоценённым трудам. Нельзя сказать, что я их не пытался кому-то показывать. Посылал по рекомендации Фальковского Всеволода Александровича (он в ту пору руководил седьмой лабораторией Всесоюзного Научно-Исследовательского Института Твёрдых Сплавов, что – на Варшавке) подборку виршей в «Московский комсомолец» его двоюродному брату – Андрею Яхонтову. Естественно ответ был, хоть и тактичным, с дружеским напутствием, но отказывающим. Мол, рановато тебе парень – на газетные страницы.

Янисколько не обиделся. Потому что в других местах да-

же не рассматривали. Но когда читал стихи знакомым – упивался нескончаемым дифирамбам. И я поверил в свою звезду.

Эта слепая вера длилась довольно долго – до 1986 года. Именно тогда жена принесла мне объявление о приёме в Литературное объединение «Московские зори» при ДК «Москворечье». Оно было платным (5 рублей в месяц), но, как оказалось, эти деньги пошли впрок.

ЛИТО базировалось не в самом Доме Культуры, а в помещении, принадлежащем ему. И находилось оно тоже на Каширском шоссе в двухэтажном полуразвалившемся здании, в захолустном дворике. В подобных, по соседству – ещё прозябали люди. Когда я вошёл за полчаса до начала, там уже расхаживал по большой комнате худощавый человек с бородой и длинными волосами лет сорока пяти-пятидесяти. А за продолговатым столом сидела интересная женщина того же возраста и пожилой мужчина с умным, проницательным взглядом.

– Здравствуйте, – поприветствовал я всех, – Мне бы – в «Московские зори»...

– Вы как раз пришли по адресу, – ответил бородатый и представился, – руководитель Литературного Объединения – Весенний Игорь Борисович. А Вы — поэт?

– Не знаю, – замялся я, – Сергей Берсенев меня зовут... А поэт ли... Не мне решать. Нигде не учился, нигде не занимался. Принёс несколько тетрадок на ваш суд.

При этих словах женщина как-то снисходительно посмотрела: мол, понятно всё с тобой – ещё один бездарь.

– Располагайтесь, пожалуйста, – продолжил Игорь Борисович, – Послушаем Вас... Вы в курсе, что занятия у нас платные?

– Да, я принёс деньги...

– Хорошо, в конце сдадите: может, вам не понравится у нас. На критику не обижаетесь?

– Да вроде – нет...

Всего в этот раз набралось человек десять... Красивую женщину звали – Анна Михайловна Станиславова, и стихи мне её очень понравились. Как и стихи пожилого мужчины – Сенниковского Валерия Германовича. Он также выделялся здоровыми критическими высказываниями. По возрасту мне ближе всех были Евгения Скрипицына (Скрин) и Марина (фамилия, к сожалению, осталось в прошлом). Не мне тогда было судить об уровне авторов. Это сейчас я понимаю, что не все соответствовали высокому званию поэта, и я сам в первую очередь. Но, как помню, намеревался удивить присутствующих гениальными строчками.

Когда Весенний объявил мою фамилию, я набрался смелости и вступил на новую тропу жизни:

Кто, как не я,
зажжёт звезду над твоим домом?
Кто, как не я,
будет в жизни твоим ведомым?

Кто, как не ты,
будет в песне моей воспетой?
Только, кто ты?
Только, где ты?
Кто, как не я,
ради нашей любви всё бросит?
Кто, как не я,
сложит стихи о тебе в вопросах?
Кто, как не ты,
на вопросы найдёт ответы?
Только, кто ты?
Только, где ты?

Да, да... Вот это именно стихотворение и отметил Игорь Борисович чуть позже, досконально изучив мои «нетленки», а остальное посоветовал отправить в архив. Как и многих начинающих, самонадеянных пиитов, меня подначивала обида: мол, не оценили, не поняли! Надо идти туда, где поймут! Но внутренний голос уговаривал не торопиться. Тем более подбодрил и дал несколько ценных советов Валерий Германович.

«А что? Может, и в самом деле это я неправ?» – подумал я и остался.

Два раза в месяц (хорошо, что Весенний проводил занятия по субботам) я бросал самые неотложные дела и спешил в мир, совершенно непохожий на тот, который окружал меня до сих пор.

Нет, дело не ограничивалось только посиделками, чтением стихов, их анализом и чаепитием. Игорь Борисович выборочно, по какому-то учебнику стихосложения, знакомил с теорией поэтики. Сам он был членом Союза Писателей России, по его словам, вступившим через совещание молодых писателей, и имел право вести литературные объединения официально. А ещё читал нам стихи довольно-таки редких в то время поэтов. Так я открыл для себя Николая Гумилёва, чьё творчество оказывает на влияние и по сей день. Гийом Апполинэр, Юргис Балтрушайтис, Артюр Рэмбо... Каждый раз как будто кто-то из них незримо с нами присутствовал.

Спустя какое-то время я начал понимать, что написанная мною дребедень и гроша ломанного не стоит. Даже кот Васька дома это почувствовал и, не мудрствуя лукаво, один раз написал критическую лужицу на стопку тетрадей, по рассеянности забытую мной на кухонном столе.

Новые строчки стали появляться постепенно. Сначала были неуклюжими, но уже авторскими. Я прислушивался почти ко всем. Игорь Весенний был строг, но справедлив. Валерий Германович взял меня «на поруки». Анна Михайловна подбадривала тёплыми словами. Прошло несколько месяцев, и я почувствовал себя своим. Мне казалось, что я уже не первый год посещаю «Московские зори». И немудрено: тот мир, в котором я зарабатывал деньги диаметрально отличался от нового. Причём, проигрывал по всем пунк-

там. Здесь я открыл в себе способность творить искренне, а не вытворять надуманно, прозябая в рутине.

Как-то раз Игорь Борисович пришёл таинственный, долго улыбался лукаво... А потом не выдержал.

– Уважаемые Собратья по перу, появилась возможность издать качественный Самиздат, – торжественно объявил он, – К тому же – в твёрдом переплёте.

– Это хорошее известие! – опередил всех Валерий Германович. Остальной народ стал бурно обсуждать известие.

– А подробнее можно? – спросила одна из пожилых поэтесс, – Наверное, не бесплатно. Сколько будет это стоить?

– На каждого автора по десять страниц. Страница стоит один рубль. Вот и считайте. Автор получит на руки десять книг.

– Как дорого!!!! – возмутилась всё та же пожилая поэтесса, – Нет, я не буду принимать участие. Да и кто это будет читать?

– Никто никого заставлять не будет, – спокойной сказал Весенний, – Публикация – личное дело каждого. Поднимите руки – кто хочет напечататься в альманахе?

– А мне можно? – несмело спросил я. Очень уж хотелось опубликовать свои первые более-менее приличные строки.

– Конечно, можно, – обрадовал меня наш руководитель.

В конце концов набралось десять авторов. Мы отобрали нужное количество произведений и вместе с деньгами сдали Игорю Борисовичу. Ожидание, особенно для дебютанта,

всегда превращается в пытку. Время тянулось, как високосный год. И когда мы получили на руки экземпляры, я был на седьмом небе от счастья.

Следующим значимым этапом для «Московских зорь» стало их участие в городском конкурсе литературных объединений. Вот где мы столкнулись с «монстрами» поэзии. Там я познакомился с очень интересными людьми – Володей Райбергом (отцом погибшего солиста «Иванушек» Игоря Сорина), Аллой Губановой (ныне – Алла Паролло), Григорием Эпштейном, Ольгой Разорёновой, Игорем Киреевым, Андреем Чирковым.

Надо сказать, мы оказались на высоте – заняли третье место. Учитывая, что это был дебют. Перед выступлением мы долго готовили программу, понимая, что обычное поочередное чтение стихов не принесёт успеха. В итоге получилась интересная, грамотно выстроенная композиция. Стихи перекликались и плавно переходили из одного в другой.

Праздновали, естественно, в родном помещении. К тому времени в ЛИТО появились новые авторы – Илья Нарский, Саша Шустов... По творчеству мне был ближе замкнутый, аскетичный Илья.

Игорь Весенний предложил создать труппу для выступлений и попробовать выступать за деньги. Пробивать платные концерты он обещал взяться сам. А кому не нужны деньги? Даже афиши выпустили... Но выступление, насколько помню, ему удалось организовать только одно – предново-

годнее, в какой-то государственной организации. Люди сидели за столами, бухали, чавкали... Что-то бубнили между собой, а мы по очереди пытались донести до них светлое... Получили тогда какие-то копейки, но чувствовали себя АРТИСТАМИ!

Что ещё осталось в памяти?... Конечно, поездка на родину Игоря Борисовича – на Оку... Нашлись желающие, нашлись палатки... И погода не подвела... До этого я выезжал от работы и в лагерь, и в колхоз, где устраивали пикники, даже с гитарами. Однако здесь было нечто другое. Здесь все находились на одной волне.

Поехали с ночёвкой. Валерий Германович, что меня очень расстроило, не смог – быт не отпустил. Зато Анна Михайловна пригласила своего мужа Володю, художника. Очень приятного и компанейского человека.

Расположились мы на берегу Оки. Погода стояла не жаркая, но позволяющая купаться. Пока остальные обустраивались, я разделся и буквально ринулся в освежающие волны.

А вечером устроили импровизированный концерт у костра. Шашлыка не было – скатерть самобранка быстро заполнилась снедью: колбаса, сыр, ветчина, яйца, куры, помидорчики с огурчиками, зелень... Естественно, и спиртное не забыли.

На свежем воздухе стихи и песни звучали как-то по-иному, чем в городе. Более романтично, что ли... Даже комары кусались не так зло, отдавая должное таланту присутству-

ющих. Под звёздами планов настроили громадьё, не подозревая, что у звёзд собственные планы. Но сначала те, кто принимал участие в нескольких концертах, получили благодарность от Московского Фонда Культуры. А потом руководство Дома Культуры «Москворечье» неожиданно отказало Игорю Борисовичу Весеннему в помещении, посчитав сотрудничество невыгодным.

IV глава

Первые личные конкурсы.

После закрытия «Московских зорь» встал вопрос: куда теперь подаваться? В прошлую беспросветность уже никак не хотелось. Я понимал, что мне ещё многому учиться, но и амбиций тоже хватало. В 1989 году я как-то ехал в метро – из центра домой. Дорожной книжки не было, и я купил свежий номер «Вечерней Москвы», где натолкнулся на объявление о приёме работ на конкурс сатиры и юмора, который устраивал Московский Дом Самодеятельного Творчества. Среди указанных жанров присутствовала и поэзия.

Не знаю, что меня толкнуло... Бросился выискивать в своём небогатом арсенале хоть что-нибудь такое, от чего у членов жюри могло свернуть животы от хохота. Но как ни старался не мог натолкнуться ни на одну строчку. И вдруг ударил себя по лбу – Сатиры!

Совсем недавно я как раз написал на злобу дня одно антиалкогольное стихотворение...

Опять в кармане ветер ночевал.

Опутали:

стальная паутина

долгов, грехов, застольных подвывал...

И далее по теме... Чем чёрт не шутит?

Выбрал свободное время, чтобы отметить в списках участников и поехал по указанному адресу. Нашёл нужный кабинет и обнаружил в нём симпатичную, ухоженную женщину скрытого возраста, оказавшуюся куратором конкурса – Аллу Фёдоровну Бакшевникову.

Я протянул листок с напечатанным на машинке стихотворением и улыбнулся. Алла Фёдоровна пробежала глазами внимательно, потом также внимательно посмотрела на меня.

– Что ж... Очень даже недурно... И тема актуальная...

Я застеснялся: не часто хвалили мои стихи. Покивал головой, соглашаясь с авторитетной женщиной.

– Давайте следующий, – протянула она руку.

– Больше нет, – грустно ответил я и подумал, что вот-вот меня вычеркнет из сокровенных списков.

– Что же так?

– Не спец я по сатире и юмору... Нашёл вот одно и решил попробовать свои силы. А кто, кстати, в жюри конкурса?

– В состав жюри вошли очень известные мастера юмористического жанра, – гордо сказала Бакшевникова, давая понять, что это является её заслугой, – Андрей Яхонтов, Владлен Бахнов, Эммануил Левин, Лев Новожёнов...

Имена, действительно, прозвучали авторитетные. Оставалось надеяться и верить в их благосклонность.

– А когда станет известен результат, – заинтересованно

спросил я.

– Вот... Заполните анкету участника и укажите свой телефон. Через пару недель мы позвоним вам.

Честно говоря, через неделю я уже остыл и не верил в восхождение на пьедестал. Однако Алла Фёдоровна позвонила.

– Сергей, поздравляю вас: ваше стихотворение понравилось жюри, и они вас поставили на третье место. Так что приглашаем в ближайшую пятницу к семи вечера в Дом Самодеятельного Творчества на награждение и гала-концерт.

– Обязательно буду, – закричал я в трубку, одуревший от счастья. Надо же... Первое личное лауреатство. Пусть и в конкурсе Сатиры и Юмора.

В зале набралось не так много народа: лауреаты с дипломантами, и их группы поддержки.

Мне ещё не верилось в успех: как так – без году неделя в творческой среде и уже – на пьедестале, признанный не кем-то случайным, а именитыми членами жюри.

Наконец торжественное награждение началось. Ведущая (худая, симпатичная девушка со стройными ногами) называла фамилии. Номинанты поднимались на сцену, читали конкурсные работы и удалялись. Монотонное действие длилось около часа, пока очередь не дошла до призовых мест. Из выступивших мало кто запомнился. Тамара Клейман, Лёша Солоухин, Миша Цивилёв... И всё, пожалуй... Из когорты «выдающихся» меня вызвали первым. Преодолев волнение (а оно заставляло конечности изображать неизвестно ка-

кой танец), я забрался на цену, как на ораторскую трибуну и продекламировал стихотворение, пытаясь его изобразить ещё и жестами. Что со стороны выглядело комично. По крайней мере, члены жюри хихикали себе под нос. Но это не важно – спустя пару минут я держал в руках диплом лауреата третьей степени и электронные часы.

На этом моё сотрудничество с МДСТ не закончилось. Мало того, Алла Фёдоровна включила меня в концертную бригаду клуба «Чёртова дюжина», сконструированную по итогам конкурса для платных концертов. Но это уже отдельная история. Кстати, лауреатов напечатали в журнале «Крокодил».

«Чёртова дюжина» варилась в собственном соку. В её состав, кроме меня, вошли вышеупомянутые Тамара Клейман, Алексей Солоухин, Константин Цивилёв и ещё несколько лауреатов и дипломантов. Собирались мы в совершенно случайных местах, даже на частных квартирах. К сожалению, коллектив просуществовал недолго и распался после скандального выступления на Балабановской спичечной фабрике. О чём я более подробно написал в рассказе «Артисты из Москвы».

Через пару недель снова позвонила Алла Фёдоровна и сказала, что при Доме Самодеятельного Творчества открывается поэтическая мастерская, которую будет вести член Союза Писателей России Сергей Каратов. С ходу она предложила мне должность старосты. Я согласился, польщённый

предложением. Сразу же поделился сообщением с Валерием Германовичем и Анной Михайловной. Они тоже заинтересовались: «Московских зорь» было уже не воскресить.

Если сравнить «Зори» с лабораторией, то сразу бросилось в глаза, что той, домашней атмосферы трудно будет добиться. Сергей Фёдорович, человек хороший, но иных взглядов, нежели Игорь Борисович. К тому же, сам состав получился разновозрастным и разноуровневым. Теории мы не уделяли время вообще. Только чтение и анализ стихотворений. По истечении двух месяцев Каратов объявил, что мы все можем принять участие в новом конкурсе под эгидой МДСТ, на этот раз – поэтического. Мы согласились. Жюри и в этот раз выглядело внушительно: помимо самого Сергея Каратова, вошли такие известные поэты, как Александр Аронов, Аарво Метс, Зоя Межирова, Джеймс Паттерсон. У меня сразу разгорелся нездоровый аппетит – первый успех придал уверенности. Да и стихи стали крепче. Я выставил на конкурс три новых стихотворения и до самого подведения итогов переживал за исход. На место лауреата я не надеялся, но хотя бы в дипломанты попасть мечтал. Однако, вышло иначе... Из наших в дипломанты попали Анна Станиславовна, Валерий Германович Сенниковский и Саша Шустов... Когда меня не объявили в первой части, я растерялся... Но по странному стечению обстоятельств, моя фамилия снова поместилась на третьей строчке.

У глава

Композитор Вячеслав Титов.

Всё это время, начиная с самой школы я ставил перед собой цели. Сначала мне хотелось научиться рифмовать строчки, чтобы посылать девчонкам записки в стихах. Потом, когда уже стал заниматься в «Московских зорях» – научиться писать хорошо. Чуть позднее подумал – а ведь на мои стихи могли бы петь песни. Однажды по телевизору смотрел американский мультфильм «Чип и Дэйл» и, к своему удивлению, прочитал в титрах, что русскоязычный вариант песни поёт Валерий Панков, с которым я учился в параллельных классах когда-то и приятельствовал. Мало того, в десятом классе мы написали совместную песню «Кто-то другой», и он с успехом исполнил её на школьном вечере. Понятно, что слова песни были несовершенными и наивными, но в данный момент память отнесла сей факт к позитиву. Через пятые руки я нашёл Валеркин телефон и позвонил. Он обрадовался звонку. Мы поделились последними успехами. Оказывается, он ещё выпустил виниловый диск совместно с Раисой Саед-Шах. Я ему рассказал о своих «подвигах» в конкурсах и попросил совета – к кому обратиться и с чего начать, подразумевая совместное сотрудничество. Намёк он понял и сказал, что в данный момент готовит альбом, му-

зыку к котором пишет Вячеслав Титов, талантливый композитор из Малаховки. Альбом почти готов, но осталось дописать «Русский блок» – три песни. А текстов нет. Панков предложил попробовать, и я решил рискнуть. Сам же стремился преуспеть в шоу-бизнес, а тут такая удача.

Титову позвонил сразу же. Кто знал, что эта встреча станет началом долгой дружбы и внесёт яркие мазки в книгу судьбы...

Слава приехал за мной на собственной машине почти к дому и увёз знакомить со своим творческим миром в малаховскую резиденцию. Написав так, совсем не покривил душой. Слава и сейчас проживает в том же частном двухэтажном кирпичном домике. Возле дома – сосны... Воздух неопиcуемый... Лишь отдалённый грохот электричек иногда нарушает райскую тишину.

Он поставил мне несколько своих, уже исполненных песен – Петра Урбановичюса, Валерия Панкова. Стихи к ним были написаны московским поэтом Юрием Гуреевым. Слава предложил мне три вышеупомянутые мелодии и спросил – умею ли я писать по «рыбе»? Не мог же я останавливаться на полпути. К тому же, неведомый путь казался интересным и перспективным, крылья выросли по секундам. Прислушав ещё несколько неподтекстованных песен, я попросил вальс и одну роковую композицию.

Первый блин оказался комом. Забыл о пословице – «Поспешишь – людей насмешишь!»

Набросал простенький текст, не прислушавшись к советам знающего человека. Прочитал Вячеславу с надеждой на похвалу, а в ответ... А в ответ... Нет, не годится... Не надо спешить... Слушай внимательно музыку... Надо, примерно, так: «Красно солнышко... и.т.д..»

Я внял совету. Наверное, так было угодно свыше. Текст был написан через пару дней и принят сразу. И Валерой Панковым тоже. Следующие две песни для него получились ещё ярче. И «На стекле – прощай!», и «Калинов мост» до сих считаю одними из лучших работ за всё время.

Так получилось, что следующая совместная работа получилась значительной. Слава позвонил, и сказал: «Если быстро справишься с вальсом, есть возможность показать его Иосифу Давыдовичу...»

У меня аж поджилки затряслись... Неужели? Так не бывает.... Практически с дебюта и на поклон к народному артисту. Однако первый текст с рабочим названием «Вальс бродяги» рухнул в пропасть, как неудачный. И вновь помогли Славины советы. В новом веке для юбилейного концерта, Вячеслава Титова, что проходил в театре народной артистки России Людмилы Георгиевны Рюминой, вальс «Ностальгия» исполнил уже Феликс Царикати вместе с другой нашей песней. Это говорит о долголетию шедевра (не постесняюсь того пафосного слова), о её духовности и высоком качестве.

Ещё мы записали «Три дня в августе» в исполнении легенды отечественной эстрады Игоря Иванова и «Сам себя

не поймёшь» в исполнении известного певца Эмина Бабаева.

Первые свои работы, как и Слава я зарегистрировал в Первом музыкальном издательстве. Но сотрудничество не оказалось долгим. Мы ждали хоть какой-то помощи от менеджеров издательства в пропаганде творчества. Какие же наивные мы были... Правда, несколько телефонов они дали, но толку-то... Те исполнители ждали авторов-спонсоров.

Девяностые годы вообще были сложными в финансовом отношении. Если Слава занимался помимо песен какое-то время выращиванием саженцев, то я работал на деревообрабатывающих станках, чтобы содержать семью. Порой и зарплату не платили. И в это время большим подспорьем стала запись Игорем Наджиевым песни «Твоя жизнь». Песня получилась пронзительно-лирической. Игорю удалось снять не только клип и выпустить её на диске, но и занять с ней перовое место в передаче «Звёздный дождь» по РТР

Слава мне сразу показался человеком целеустремлённым, ставящим высокие цели. И следующий проект не заставил себя долго ждать – сольный диск талантливой певицы Ларисой Золотых. Естественно, он надеялся и на мою помощь. Песни в альбом вошли разноплановые по стилистике, но все объединялись одной темой – романтика. Ларисе, не имеющей золотоносных покровителей трудно было продвигать наши песни, но всё-таки удалось несколько раз протолкнуть их на радио.

Буквально сразу же он мне сказал, что собирается делать

сольный диск с народной артисткой России Людмилой Рюминой. Часть текстов для этого диска написала сама Людмила Георгиевна. Мне посчастливилось отметить пятью текстами – «Лель», «Палех», «Вальс о маме», «Жених городской» и «Первая любовь». Через какое-то время она меня пригласила на интервью в собственной передаче, которая периодически шла на волнах «Народного радио». Вопросы были интересными, касались, в основном, творчества. На передаче звучали не только наши со Славой песни, но и мои стихи.

За четверть века нашей дружбы что только не происходило: настоящий творческий процесс никогда гладко не проходит. Порой каждый из нас отстаивал своё мнение с пеной у рта. Но в итоге споров получались сильные произведения, счёт которых приближается к сотне и все они зарегистрированы в Российском Авторском Обществе. Некоторые входят в Золотой фонд радио, а песня «Отряд», которую исполнил автор-исполнитель, лауреат Всероссийских и Международных конкурсов Валерий Евдокимов, стала одним из победителей Всероссийского конкурса военно-патриотической песни «Поклонимся Великим тем годам», проходившим на этот раз в ДК «Кучино», под Железнодорожным.

Выпуск диска Рюминой стал знаменательным событием в творческой жизни Славы. Мне было приятно, что и я приложил руку к этому. Песни с него до сих пор звучат в программе народной артистки и в концертах, и на телевидении.

И вдруг на какое-то время случился простой... Нет не в творческом процессе – мы-то, наоборот, сдружившись, заработали с удвоенной энергией. По разным причинам песни перестали находить исполнителей. Можно объяснять по-всякому, но раз так случилось, значит, так и должно было быть. Главное, что рук не опустили.

Апофеозом явились два концерта Вячеслава Титова, состоявшихся в театре Людмилы Рюминой – второй к тому же имел звание «юбилейного». Они включили в себя несколько старых работ, но были написаны новые – «Евгения» для Игоря Иванова, «От меня до тебя» для заслуженного артиста России Феликса Царикати, «Птица-девица» и «Дождись меня на острове Майорка» для лауреата Всероссийских конкурсов Татьяны Матвеевой, «Радуга», «На бескрайние просторы» и «Россия, прости!» для вокального фольклорного ансамбля «Русы», «Скука» и «Ветреница» для солистки детской группы того же ансамбля – Маргариты Поляковой.

Оба раза зал был забит до отказа. Каждая песня принималась на «бис», в том числе, и на мои стихи. На концертах я присутствовал не только зрителем, хотя и смотрел из зала, но и полноправным участником – читал стихи, специально написанные к знаменательным событиям и посвящённые Вячеславу Титову.

А музыка звучит —
пусть миром правит холод,

и учат нас творить
кликуши по клише...
Ты только с виду сед...
Сужу по песням – молод!
И с музыкой – на Ты,
и праздник есть в душе!

По клавишам пройдёшь,
как долгожданный вестник —
мол, скоро час Весны
наступит на земле.
Всё будет хорошо,
минуя «но» и «если»...
Всё будет хорошо
ещё немало лет!

О чувствах твоя боль,
о матушке России...
Гори, мой друг, гори
романтикой свечи!
На улице – зима,
безвкусицы засилье...
А музыка жива,
а музыка звучит!

С большим удовольствием гостил у Вячеслава, когда он приглашал к себе в Малаховку зарядиться вдохновения. И шашлыки как-то елись по-особенному... Переслушивали наши работы, рассуждали об их перспективах... Я благода-

рен ему за эти встречи... И не только за них... Не секрет, что настоящий друг силен делом, а не словом... Готов подтвердить перед самыми высшими судами! Дай Бог ему долгих лет здоровья и творческого потенциала.

После юбилея вышло в свет ещё две песни – «Посвящение» (Игорь Иванов) и «Вальс-Судьба» (заслуженная артистка России Галина Улетова).

И что-то внутри подсказывает – самый громкий успех ещё впереди.

VI глава

«Некрасовка».

Думалось – первые успехи перерастут во вторые, более значимые, потом – в третьи, судьбоносные. Ничего подобного. По причине новых веяний перестроившейся страны из МДСТ нас попросили, и все надежды рухнули. Уж не помню откуда я узнал о литературных сборищах в Некрасовской библиотеке. Там же, на Пушкинской, но гораздо ближе к метро... Уже на первой встрече я познакомился с интересной и экстравагантной Леной Кукушкиной, а уже она меня представила Жене Зелёному, который имел (и по паспорту тоже) броскую фамилию – Я.

За регламент мероприятий отвечал поэт Владимир Цапин. С ним я познакомился позже. Поначалу я постепенно вживался в новый круг, присматривался.

Сами встречи проходили по такому принципу: в первой части, которая длилась сорок пять минут, выступал кто-то из заявленных поэтов, зарекомендовавших себя в данном сообществе, потом, после пятнадцатиминутного перерыва – свободный микрофон, по записи. На первую часть я и не рассчитывал с не очень высоким уровнем, а – на свободный микрофон решил рискнуть. Прочитал лучшее, что было... и понял, что остался незамеченным большинством. Подбод-

рили только те, кого уже знал...

Постепенно я освоился. Познакомился и со многими другими – с Наташей Никитковой, Юрой Брыгиним, Антоном Шатько, Сашей Митько... Узнал о существовании театра «Поэтоград» под руководством Олега Потоцкого, куда меня пригласили попробовать свои силы. Основные разговоры происходили в кулуарах, а точнее – в коридоре, и в туалете, где также распивались и алкогольные напитки. Здесь читалось гораздо больше стихов, чем на основной сцене, да и цензура не давила.

До Потоцкого доехал не сразу... Там встретил ещё одно знакомое лицо – Андрея Чиркова. Он тогда смотрел на меня чуть свысока. А вообще понравилось то, чем они занимались: не просто долдонили стихи и пели заунывно песни, а ставили тематические спектакли. О Владимире Высоцком, например... И показывали в школах района. Мне, к сожалению, не довелось участвовать ни в одном, но на один сборный концерт меня всё же пригласили... Однако театру выпала судьба «Московских зорь».

Вскоре мы почти тем же составом по наводке приехали на просмотр в Измайловский Центр Алексея Дидурова. К нам присоединилась Наташа Никиткова, и я привел Диму Гудзя, с которым познакомился на работе. Предупреждали заранее, что на Дидурова трудно произвести хорошее впечатление. Одного исполнителя он вообще не допустил до выступления. Тот, конечно, расстроился... Но, честно говоря,

уровень у него был очень низкий. Мы были всего лишь малой частью большого концерта, и ничуть не выпали из общей программы. По крайней мере Дидуров пригласил снова.

Но мой путь пролегал иначе...

Спустя какое-то время я убедил Цапина выделить мне сорок пять минут местной Славы. Это сейчас я понимаю, что со стороны смотрелся очень бледно. Да и сама значимость выступления не была такой уж великой, как казалось тогда. Но в тот момент я гордился и готовился основательно. Наскрёб нужное количество стихов, ни с кем не советуясь. Впрочем, группа поддержки в лице тех же Кукушкиной, Зелёного, Брагина и компании была обеспечена. Народ по традиции набралось много: площадка пользовалась популярностью. Помню, нарядился в костюм, галстук... Как на собственную свадьбу.

Читал с выражением... Никого вокруг не замечал... Не знаю, всем ли начинающим свойственны подобные ошибки. Контакт с залом отсутствовал напрочь. Зрители, конечно, слушали новоявленного пиита, но понимали мою несостоятельность и хлопали только из вежливости. Не скажу, что совсем уж неудачно выступил – стихотворений десять тянуло на троечку с плюсом. Они-то и спасли положение. Громче всех хлопали друзья.

К тому времени я сумел скопить денег на выпуск небольшого сборника, но по неопытности выпустил не там, где нужно было бы, и не так, как следовало бы... Получился буклет-

ный вариант не лучшего образца. Без обязательных кодов... Деньги на ветер... И с материалом следовало бы поработать, посоветовавшись со знающими людьми...

Вот эту книжицу я раздаривал в перерыве после своего неоднозначного выступления. На моё счастье удалось совершить неравнозначный обмен – на вечере присутствовал Олег Потоцкий. Он придирчиво полистал мой сборник, но всё же согласился удовлетворить мою наглость. Потом я долго хвалился перед Кукушкиной, Зелёным и Брыгиным. Обмывали дебют по традиции в туалете, закончив в сквере недалеко от метро.

Шумные Некрасовские встречи радикально отличались от того, что предлагал Игорь Весенний. Но нельзя сказать, что из предлагаемого было лучше. Разные форматы, разная атмосфера... Наверное, надо со всем столкнуться, чтобы найти близкое душе. В тот момент меня потянуло в тусовочную жизнь – набираться опыта. Меня стали приглашать на квартирники. У Антона Шатько несколько раз интересная компания базировалась – Наташа Филатова (Никиткова), Саша Митько, Катя Шевченко, Лена Кукушкина... Другие авторы... Иной раз удавалось где-то и выступить коллективно: летом – в парках отдыха, на предприятиях... Как-то раз в психиатрической лечебнице выступали по инициативе поэтессы Нади Кулаевой. Очень душевно получилось... С нами даже выступал один из пациентов, на скрипке играл...

Оглядываясь на те годы, отношу их всё-таки к чему-то полезному. Пусть и большого прогресса не достиг, но сумел перебороть самый важный минус – ощущение бесперспективности. И ещё... Ради чего всё это... Ради славы и известности? Конечно, любой автор хочет быть опубликованным, достичь определённых высот на поприще литературы. Но есть же – «люби не себя в поэзии, а поэзию в себе». В девяностых, скажу честно, я этого не понимал. Тыкал пальцем в небо... Оттого и стихи получались кривобокими, надуманными... Одно время хотел даже бросить... Почти бросал, и всё время кто-то сдерживал...

Однажды я ощутил тягу к организаторскому поприщу. Работая на заводе «Аремкуз», сумел уговорить начальство пригласить на новогодний вечер Наташу (к тому времени) Филатову. Нам выделили в общей программе минут двадцать. Сам я на громкие аплодисменты не рассчитывал, но свою порцию сладкого получил. Рад был за Наташу, собравшую много комплиментов.

Не я виноват, что время поиска переплелось с пресловутыми девяностыми, когда одни богатели в одну секунду, а другие также мгновенно превращались в нищих. Чтобы прокормить семью порой приходилось забывать о поэзии напроочь. Эта причина на мой взгляд является первостепенной – почему не была роста. Позже я высказался по этому поводу в стихотворении «Один день из...» и так думаю по сей день. Вся поэзия выливалась в микроскопические посвяще-

ния друзьям, коллегам по работе, красивым женщинам. Понятно, что последние вдохновляют, но никогда не страдал однобокостью, пытаюсь экспериментировать с формами и темами.

VII глава

Композитор Сергей Чичмели.

С композитором Сергеем Чичмели я познакомился через двух человек – Вячеслава Титова и известную певицу Ксению Георгиади.

Как-то поздно вечером дома раздался звонок. По номеру определил – Слава... Да и больше никто в это время не звонил мне.

– Привет, Слав...

– Привет, Серёж...

– Новости есть?

– Откуда угадал?

– Интуиция...

– Да... Ксения у меня была в гостях... Георгиади... Материал смотрела...

– И что? Понравилось что-то?

– Что-то понравилось... Но ничего определённого... Интересовалась – знаю ли хорошего поэта? Я тебя порекомендовал. Ей нужно текст песни написать срочно и качественно.

– Ну, это мы постараемся, – уверенно сказал я.

– Записывай телефон...

– Спасибо, Слав...

Я позвонил на следующий день, чтобы не оказаться у раз-

битого корыта. Разговор получился не только деловым, но и приятным. Ксения разложила по полочкам всё, что от меня требуется и перенаправила к автору музыки, композитору Сергею Чичмели.

Фамилия мне показалась знакомой. Я покопался в памяти и вспомнил: несколько лет назад его показывали по телевидению с двумя песнями. Одну я запомнил – «Рок-н-ролл для сына». И не думал тогда, что судьба сведёт нас не на один день...

Сергей пригласил меня к себе в студию, которая базировалась при ЦДРИ в чердачном помещении над баром «Кукушка». Он как раз записывал кого-то и попросил немного подождать. С виду он мне понравился – и не только добродушной улыбкой, но и комплекцией, напоминающей мою. Такие люди злыми и непорядочными не бывают. Чича (с таким псевдонимом он выступал на эстраде) сразу спросил – умею ли я писать на «рыбу». Работа с песенными текстами – особый жанр и имеет свои правила. Это я уяснил по многолетней работе с Вячеславом Титовым.

– Умею, – ответил я.

– А с кем уже работал?

– Людмила Рюмина, Игорь Наджиев, Игорь Иванов...

– Что ж, попробуем.., – сказал Сергей, – Держи в курсе, я всегда на связи. Если, что непонятно – спрашивай.

– Договорились...

Только погрузившись глубоко в работу, я понял, что

текст – непростой, разноразмерный в запеве. Нужно было – не «размазать», не заразиться пустословием. Не мне судить, как получилось, но песня вышла на диске лучших песен Ксении Георгиади со многими её известными хитами. Соседство с Леонидом Петровичем Дербенёвым и другими маститыми поэтами-песенниками льстило.

Сергея тоже удовлетворила наша первая работа, и он предложил посотрудничать. Кто ж отказывается от такого?... Работа пошла сразу. То дочке ювелирного магазина захотелось спеть под Бритни Спирс, то жене бизнесмена – спеть о жаре... Пусть не крупными купюрами, но наши старания оплачивались. Единственное огорчило – девушка передумала становиться певицей. В девяностые это было сплошь и рядом: сегодня —певица, завтра студентка финансового колледжа; сегодня – учёный-физик, завтра – продавец на рынке. И со мной такое могло случиться. К счастью, обошлось...

По моей просьбе Сергей брал меня на разные мероприятия, где мог. Так я познакомился с Акимом Салбиевым, «чёлкался» на застолье с композитором Георгием Мовсесьяном, мило улыбался Татьяне Судец...

Сергей постоянно предлагал интересные проекты. Два года подряд мы готовили капустники для военного госпиталя в Красногорске, где главным врачом был Владимир Шичанин. Широкой души человек...

Чича поставил задачу – придумать тексты о госпитале.

В первый раз это было попури о госпитале, а во второй – сотрудники пели от лица Эдиты Пьехи, Илоны Броневицкой, Анастасии, Акатова-Тверского... Получилось оригинально и забавно...

Интересный момент произошёл во время пародии на Эдиту Пьеху....

Я сидел во втором ряду, сзади Илоны Броневицкой. Она искренне улыбалась каждому выступлению, и вдруг:

Из Польши в Россию летел самолёт.
Среди облаков заблудился пилот,
а штурман с досады порвал свой мундир
и матом пилота «чесал» командир.

Что делать, никто перед смертью не знал.
И лишь самолёт, погибая, сказал:
«Да, хрен – с облаками! Ведь есть, кроме них,
огромное небо, одно – на троих!»

Прощаясь с машиной, налили – по сто
и прыгнули вниз, словно дети, на спор:
кого до земли донесёт парашют,
кого санитары с трудом отскребут.

Но случай решил деликатный вопрос:
под ними на счастье возник Красногорск,
где лётчика могут собрать по частям...
и так далее...

Илона подобралась и спросила Чичу, сидевшего неподда-
лёку: «А кто это по маме моей так жёстко проехался?» Я
поспешил выручить друга: «Я...» Она строго посмотрела
на меня, переваривала минуты две и сказала: «А что? Ма-
ме бы понравилось!» (Эдита Станиславовна отсутствовала
по уважительным причинам).

Но особенно мне запомнились беседы с певицей Ана-
стасией. Прямой человек и искренний. Она увидела в со-
вершенно постороннем человеке что-то близкое и говори-
ла, не стесняясь выражений. К сожалению, её песен давно
не слышно.

Отдельная история, связывающая нас – пародист Алек-
сей Золотов. Аллу Борисовну Пугачёву пародировали и па-
родируют много известных и не очень известных артистов.
Алексей не копировал, он жил Аллой Борисовной. Не только
в движениях, в мимике, но и в исполнении «нетленок». Сам
я несколько раз пересекался с Алексеем, поскольку его офис
находился напротив студии Сергея Чичмели.

У Алексея намечался концерт, и Чиче пришла идея напи-
сать песню, в текст которой входили бы яркие «мазки» из её
хитов. Исполнил её сам Сергей. Мы хотели потом её пока-
зать певцам из окружения Пугачёвой, но как-то не срослось.
А Золотову песня понравилась.

Однажды довелось мне побывать вместе с Чичей и его
верной спутницей Лилей на дне рождения Алексея, который

проходил в кафе «Кукушка», располагающемся на первом этаже этого же здания. Из присутствующих практически никого не знал. Пародиста Пескова только... Да и то он приехал не с самого начала.

Знаменательным событием для нас обоих стала победа во Всероссийском конкурсе военной песни «Поклонимся Великим тем годам». Всё происходило по накатанной схеме; Чичмели предложил тему, я воплотил замысел в тексте, а записала детская шоу-группа «Витамины-Ностальжи». Награждение проходило в Центральном Доме Ветеранов. Недалеко от метро «Достоевская». Зал был забит до отказа. Сердце щемило при виде такого количества героев. Выйдя на сцену за дипломом, когда попросили сказать пару слов, я не удержался и прочитал текст нашей другой песни «Россию не поставит на колени!». Я такое иногда проделываю на торжественных мероприятиях. И не ошибся. Со сцены меня проводили аплодисментами.

Приятно было мне выступить и на юбилейном концерте Сергея в ЦДРИ. Специально к вечеру я написал такие стихи.

Как-то в деревне Пупкино
среди капустных грядок
найденo было крупное
и голосистое чадо.

«Надо же, – бабки охали,
песни поёт, как птичка!

Вот бы ему гармонику —
станет однажды личностью!»

Чадо росло настойчивым,
страстно зубрило ноты
и, когда детство кончилось,
вышло на сцену гордо:

где тут к Олимпу очередь?
Юноше не зазорно
место занять почётное
и потеснить Кобзона.

Модно скроил «болваночку»,
вдарил по «зебре» клавиш...
Текст не слабее Танича
он нацарапал за ночь.

Главное – чтобы слушали,
не засыпая, в зале...
Годы спустя, «заслуженным»
Юношу обозвали!

...Татьяна Андреева, Ольга Краснова, Татьяна Иванова...
Скольким нам ещё написать совместно? Не знаю... Но дружба
зидется не на количестве, как известно.

VIII глава

Литературное объединение «Волшебная рифма».

С самого начала мы договорились с Леной Штейнгардт, что будем готовить не обычный концерт, а что-то похожее на спектакль. Несколько раз собирались в «Свече» на репетиции. Не хотелось ударить лицом в грязь. Именно тогда я сделал для себя открытие: чтобы совместная программа прошла на одном дыхании, нужно быть влюблённым в свою напарницу. Не так, как в жизни – любовь-морковь, сопли сериальные, а возвышенно, между строк...

Стихи я учил наизусть дома, на работе, на улице... Как и где придётся. Основой программы стали произведения сборника «Мы оба не боги» 2004 года.

В назначенный день оба пришли заранее – ещё раз обкатать. Меня немного трясло. Ещё тревожило – сколько будет зрителей? Хотя Таня Сергеева успокаивала: мол, народа всегда собирается прилично.

Мне казалось, что на сцене я парил, но, когда увидел видеозапись концерта, то это парение было монотонным хождением из угла в угол... Буду самокритичным к себе. Леночка выступила великолепно. Нет, я тоже не опростоволохился, учитывая дебютный статус выступления. Если бы тот концерт провалился, я бы наверняка снова ушёл в глубокую депрессию. Огромное спасибо Татьяне Сергеевой, что

тогда поверила в меня и дала шанс, которым я воспользовался с лихвой.

Я старался не пропускать ни «Свечу», ни встречи у Юры Потатушкина, но и не покидала мысль – основать своё литературное объединение. К тому времени я уже имел в багаже дипломы двух конкурсов и несколько записанных песен в исполнении известных артистов.

Заведующая согласилась с моими доводами – мол, давно пора в районе организовать Литературное Объединение. Она сама была с поэзией знакома в рамках школьной программы, несмотря на должность. Судила поверхностно, но моя идея понравилась. Единственное, что она попросила сразу, это – название и дни встреч. Для того, чтобы внести в планы. Я попросил предоставить мне помещение и попросил повесить объявление в читальном зале. О формате я предупредил сразу – никакого пафоса и камерности. Домашняя атмосфера, чаепитие. Анализ стихов. Знакомство с новыми поэтами. Ничего не напоминает? Правильно. Решил возродить дух «Московских зорь» в «Волшебной рифме». Именно такое название пришло на ум.

Первое, что я сделал, когда пришёл домой – позвонил Валерию Германовичу. Рассказал ему о новости и попросил о поддержке. Как я и надеялся, он с воодушевлением поддержал.

На первое историческое заседание Литературного Объединения «Волшебная рифма» пришло десять человек,

включая меня. Валерий Германович, две молоденькие девочки, две бабушки, женщина лет пятидесяти пяти, и целая семья. Женщина – Любовь Шпыркова писала вполне приличные стихи и стала впоследствии старостой объединения. Девочки всё мероприятие стеснительно улыбались и хранили Великую тайну о собственном творчестве. Женщины – Раиса Сергеевна и Людмила Николаевна стихов не писали, но попросили их не прогонять – пообещали к каждой встрече готовить интересные доклады.

«Ну, что Вы, милые женщины?!», – сказал я, – Никто Вас отсюда не прогонит. Нам нужны не только авторы, но и слушатели, и ценители...» Они были счастливы и с каждой новой встречей раскрывались в новом свете. Раиса Сергеевна рассказывала всем о жизни и творчестве Маяковского, Гумилёва, Блока, а Людмила Николаевна о своих путешествиях.

Варвара с мужем пришли в ЛИТО ради сына, чтобы приобщить его к культуре. А в итоге сами увлеклись творчеством. Занятия превратились в домашние посиделки с литературным оттенком. Отмечали праздники, дни рождения... Благо, парк, примыкающий к Борисовским прудам, находился и находится через дорогу.

Понятно, что как руководитель творческого сообщества, я ещё был никудышный. Но ясно знал, чего хочу и каким путем этого достигать. Лишь бы появились единомышленники.

Вскоре я пригласил ещё несколько человек, ставших ко-

стяком «Волшебной рифмы» – молодого, талантливого поэта Вячеслава Памурзина, который привел и своего друга; ярких пензенских поэтесс – Лиду Новикову и Лену Баринову; самобытного Володю Сергунина; разностороннего, но ленивого Андрея Ледовского; добрейшего Юру Максимова, уникального поэта-плотника Сергея Попова. И, естественно, Наташу Филатову. Посещали нас и представители бывших союзных республик. Например, Сеит чувственно пел стихи о своей маме.

Помимо субботних встреч, взяв пример с Татьяны Сергеевой, я предложил руководству библиотеки концерты для местной публики. Но, видимо, потому что район не был избалован подобными встречами и не было достаточного анонсирования, приходило на вечера не очень много зрителей. Хотя состав выступающих смотрелся по именам – Юрий Потатушкин, Татьяна Сергеева, Сергей Красоткин, Ольга Шушкова, Сергей Карнавский, Евгений Карунин...

О нашей деятельности узнали в Управе, и однажды мы организовали презентацию нашего Литературного Объединения специально для её представителя. Эта встреча, можно сказать, во многом преопределила мою дальнейшую судьбу.

В назначенный день мы собрались не наверху, как обычно, а в зале, где происходит выдача книг. По моему приглашению приехало человек сорок – значительное число для того времени. К вышеупомянутым можно добавить Сашу Дубинина, Ирину Комарову, Володю Майорова, Андрея Чир-

кова, Колю Пронина, Игоря Артамонова, Тимофея Рагулина, Сергея Шкарпето, Татьяну Копейкину...

Концерт затянулся, но прошёл на одном дыхании и понравился представительнице (а это была женщина) Управы. Произошёл обмен любезностями: мне вручили грамоту, а один из наших художников подарил даме картину.

Так случилось, мне вскоре по стечению обстоятельств пришлось менять работу, и после некоторых раздумий я обратился к этой женщине, занимавшей должность в отделе культуры. Сначала она пожала плечами, но потом пообещала подумать. «В очередной раз кинут...» – подумал я. Но через несколько дней она позвонила и сказала, что рекомендовала меня в Межрайонный Центр «Дети улиц». Само название немного насторожило, но делать было нечего. Хоть какая-то работа. Я вспомнил, что ещё в прошлом веке от научно-исследовательского института ездил вожатым в пионерский лагерь, и вроде бы получалось.

Как потом рассказывала, шокированная моим видом, директор МЦ «Дети улиц» ЮАЮ Бойкова Валентина Игоревна – зашёл в кабинет крупный короткостриженный мужчина лет под пятьдесят в кожаном плаще, руки в наколках, больше похожий на бандита, чем на поэта

– И чем Вы хотите у нас заниматься? – осторожно спросила она с намерением найти причину для отказа.

– Поэзией, – ответил я просто, без лишнего пафоса.

– А что, давайте попробуем! – что-то заставило её пове-

рить мне, – В Управе хвалили Вас. Есть название для кружка?

Повторяться не хотелось, и я решил позаимствовать у себя название из виртуальной жизни. Тогда уже существовало виртуальное поэтическое сообщество «Облака вдохновения», и я решил пустить бренд в реальную жизнь. Название понравилось Валентине Игоревне.

Именно детская литературная студия дала название нынешнему Творческому Центру. Однако по факту история «Облаков» ведётся от «Волшебной рифмы», где зарождался неповторимый дух культурной бесшабашности.

О наших неформальных встречах легенды пошли сразу. Ну, не могли мы сидеть чинно в четырёх стенах, то нахваливая друг друга, то иногда осторожно критикуя неудачные строки. Чаепитие подразумевалось при открытии, а вот более шумные мероприятия вошли в привычку, когда состав существенно обновился. Заводилами были практически все – и Наташа Филатова с Игорем Федотовым, и Коля Пронин, и Юра Максимов, и Люба Шпыркова... В тёплое время нас гостеприимно принимал парк, в холодное – стены библиотеки, а когда мы были вынуждены покинуть их по неприятным обстоятельствам, о которых бы не хотелось упоминать, несколько раз собирались в помещении совета инвалидов. Благо, моя мама руководила местной ячейкой, и давала ключи – за что ей низкий поклон.

Уход из библиотеки поставил крест и на самом названии

«Волшебная рифма». С одной стороны, я посчитал его излишне замаранным, а с другой – пришла идея объединить все мои начинания под одним брендом. И «Облака вдохновения» выигрывали с большим перевесом.

IX глава

Игорь Артамонов.

Игорь появился ещё в «Волшебной рифме». Однажды заведующая привела к нам на занятия видного, доброжелательного мужчину не старше пятидесяти лет. Тогда присутствовало человек десять. Мы сидели, читали новые стихи... Заведующая спросила, принимаем ли мы новичков со стороны.

– Конечно, принимаем, – сказал я. Пригласил присесть за одно из свободных мест.

– А где тут можно подключить ноутбук? – неожиданно спросил мужчина.

Я пожал плечами: а зачем подключать ноутбук? Не сообщил, что – для чтения стихов. У нас всё как-то – по блокнотикам и тетрадкам... Присутствующие покосились. Валерий Германович тихо улыбнулся.

Пока выступали другие, мужчина внимательно слушал, изредка что-то выискивая в ноутбуке. Наконец я решил дать ему слово:

– Готовы на первом своём занятии дебютировать?

– Готов, – уверенно ответил он.

– Хорошо... Только сначала представьтесь....

– Игорь... Артамонов... Не член никаких Союзов...

Не лауреат никаких конкурсов... Пишу от души и для души с юных лет. Разрешите предоставить на ваш суд несколько последних стихотворений. Прошу строго не критиковать, но буду рад ценному совету.

Мне он сразу показался симпатичным, без камня за пазухой. Немного наивным. Одним словом – последний романтик. И стихи прочитал соответствующие, добрые. Светлые... Но с существенными недостатками... О чём и не замедлили тактично сказать Сенниковский и Люба Шпыркова. Было видно, что Игорь не был готов к такому, и некоторые замечания попробовал оспорить. Я во времена «Московских зорь» поступил бы также, наверное,...

После занятий Игорь подошёл ко мне и попросил помочь в постижении поэтических хитросплетений. Сказал, что согласился бы на внеурочные встречи... Я тогда ещё работал на рынке в «Южном порту» и сказал, что, конечно, помогу... Но – в свободное время. Не умею я отказывать хорошим людям. А в его порядочности я и не сомневался. Так началась наша многолетняя дружба с Игорем Артамоновым.

Игорь частенько приезжал ко мне на работу, отрывая от общения с покупателями. Показывал новые стихи, спрашивал мнения о старых. Если я что-то критиковал, он не вставал в позу, как многие начинающие поэты, а старался исправить ошибки. Только я его предупредил, что у самого нет литературного образования и самому ещё следует многому учиться. На что он ответил:

– Я считаю иначе и ценю твои советы.

Наше знакомство произошло как раз между «Южным портом» и «Детьми улиц». Сложное время. И не только, коснувшееся меня...

Помню, в очередной раз лежал в больнице, где меня и настигли два негативных известия... Сначала позвонил Макс, мой начальник, и сказал, что больше не может выплачивать аренду за павильон и вынужден меня уволить. А потом пришла более страшная весть – погиб Юра Потатушкин. Всё это не способствовало нормализации атмосферы собственного внутреннего мира.

Именно тогда протянул руку помощи, руку настоящего друга Игорь Артамонов. Имея множество связей в бизнесе, он несколько раз устраивал меня на испытательный срок туда, куда бы я сам никогда не показался из-за своей некомпетентности.

Стали чаще проходить наши встречи и вне поэтических баталий. Я его познакомил с Андреем Чирковым, и мы частенько заруливали на какое-нибудь кабацкое мероприятие. Игорь всё время говорил: «У меня два учителя – Берсенев и Чирков» Через какое-то время прогресс в его творчестве стал заметен. И это не только наша с Андреем заслуга. Следует отметить и влияние Наташи Филатовой, и Ольги Офицеровой, с которыми он познакомился на наших мероприятиях. Благодаря Ольге он заразился стихами талантливого русского поэта Леонида Губанова.

Спустя какое-то время мы вместе с Игорем (я чуть раньше) попали на семинары Александра Петровича Торопцева в Центральный Дом Литератора. Полезная школа, хочу сказать. В плане конструктивной критики. Некоторые авторы приходили с улыбкой, уходили со слезами, попав под гусеницы разгромных танков. Мне повезло: проехались, едва коснувшись. Игорю досталось побольше. И однажды нас обоих пригласили на совещание поэтов для вступления в Московскую Городскую Организацию Союза Писателей России, на что мы и надеялись. Но об этом – в отдельной главе...

Эта глава посвящена моему другу Игорю Артамонову. Он всегда поддерживал мои, казалось бы, бредовые идеи. В том числе, финансово. Выпуск альманаха «Облака вдохновения» – его заслуга. Он меня свёл с редакцией, он профинансировал выпуск первого, презентационного альманаха, который получил медаль Лермонтова по итогам конкурса в МГО СП России.

Помню, в канун моего первого авторского вечера в ЦДЛ, приуроченного ко дню рождения, он спросил: «Что тебе подарить на день рождения?» Я замялся...

– Игорь, чего ты меня ставишь в неудобное положение? Кто ж спрашивает? Ты, главное, на вечер приди...

– На вечер не обещаю, а вот рано утром полетим на пару дней в Черногорию... Посмотришь, как я там живу.

Я чуть на задницу не сел от неожиданной информации. До этого я за границей был только один раз – в Египте. И тоже

с Игорем. Каждую нашу поездку можно описывать отдельно, потому что все они вмещают в себя массу забавных случаев и приколов.

А в Черногорию мы полетели купаться и рыбу ловить. Попали же в дождливый отрезок. Полёт в самолёте – тоже заслуживает внимания. Бутылка текилы, литр виски... Чтение стихов незнакомым соседкам. А потом – провал в памяти. Очнулся уже при посадке, когда пассажиры захлопали. Я сначала подумал, что это аплодируют мне. Ан нет... Это благодарили пилотов за то, что самолёт в воздухе не развалился. При сходе с трапа девушки, которым мы докучали, укоризненно на нас смотрели.

Ох, уж эти Египет с Черногорией... Только накопление лишнего веса, да систематические удары по печени. Естественно, ничего за это время не написано – некогда было. Всё – потом, когда воспоминания изволили проясниться.

В конце десятых годов нового века я не вылезал из больниц. В 60-ой прямо-таки прописался. Не буду описывать всех ужасов, которые ко мне тогда зачастили в гости. Хочу написать, что ни на одну минуту минуты Игорь не оставлял меня без поддержки. Постоянно звонил, интересовался состоянием. Имея сложный рабочий график, часто приезжал навещать после официального закрытия, но какими-то окружными путями проникал в палату после десяти часов. Однажды мужики были удивлены не на шутку. Мы сидели вечером играли в домино. Игоря я уже не ждал, хотя

он и обещался приехать. Вдруг открывается дверь, заходит Артамонов – весь включенный... С двумя полными пакетами... И всех на глазах начинает доставать гостинцы – конфеты, зефир, кефир, творог, нарезки колбасы и сыра, салаты, капуста квашеная, сельдь, холодец, соки, минералка, две бутылки водки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.